

Накануне Нового года в гостях у «Литературной газеты» побывал Егор Тимурович Гайдар, человек, с именем которого связан переход от шестилетних многообещающих программ и лозунгов к первым действительно реальным шагам в области экономических преобразований, человек, чье имя вызывает у одних клочущую ненависть, у других — глубочайшее уважение и восхищение. По традиции, на встречу с интересным гостем собрались члены редакционной коллегии, ведущие сотрудники редакции, наши зарубежные коллеги.

А. УДАЛЬЦОВ, главный редактор «ЛГ». У всех у нас в памяти те 40 минут, которые попросил президент, чтобы решить, кого он выдвинет на пост премьер-министра. Что вы почувствовали, когда узнали, что прощаются с должности? Облегчение? Сожаление? Досаду? Или какие-то иные чувства?

Е. ГАЙДАР. Облегчение я почувствовал позже. И радость от того, что теперь за все уже отвечаю не я. А тогда, честно говоря, было лишь беспокойство за судьбу дела, которое мы начали. Не паника, не ощущение, что все рухнуло, а беспокойство за то, как будут развиваться события дальше. Ведь от того, как поведет дело новое правительство, в значительной степени зависит, окажется ли наша деятельность очень трудным прологом к более или менее успешному развитию или просто эпизодом, который ведет в никуда.

Д. САЙМС, американский политолог. Нет ли у вас ощущения, что вы начали проводить реформы, не соотносясь с политическим и, если хотите, моральным контекстом своей страны? И ваш конфликт с Верховным Советом связан не только с его консерватизмом, но и с некоторой важной недооценкой реального положения вещей?

Е. ГАЙДАР. Нет, честно вам скажу, совсем нет. Наши действия в огромной степени опирались на анализ той реальной социально-экономической ситуации, в которой страна оказалась осенью 1991 года. Вы помните, Август, развалившийся Союз, полностью утраченная эффективность органов госуправления. Абсолютно неэффективные и никогда ничем не управлявшие российские структуры. Полностью разваленная финансовая система. Сжимающийся рынок, сокращающаяся добыча угля, агонизирующая экономика. Отсутствие нормативной и организационной базы для приватизации. Если вы вспомните эту ситуацию, то увидите, что в значительной степени наши действия были и вынужденными, и заданными. Мы ведь получили отнюдь не оскорбляющий меня, но мало заслуженный упрек в доктринерском монетаризме за действия, которые, строго говоря, никак не связаны с нашими экономическими убеждениями. Любому человеку, вне зависимости от его убеждений, должно быть совершенно ясно, что в такой ситуации единственный выход — это попытаться запустить рыночный механизм.

С. КОЭН, американский историк. Среди ваших консультантов был американец Джеффри Сакс. Не странно ли: американец при российском правительстве? А о Саксе у нас говорили так: любое правительство, где появляется Сакс, скоро падает, а сам получает очередные дивиденды.

зять, президентские министерства, министерства, которыми непосредственно руководил президент. Это министерство обороны, министерство безопасности, министерство иностранных дел и, в меньшей степени, министерство внутренних дел. Это не значит, конечно, что правительство не обсуждало их работу, нет, обсуждало. Но в первую очередь с точки зрения финансовой, материального обеспечения, сокращения или увеличения ассигнований и так далее.

Ю. КУЛИКОВ, заместитель главного редактора «ЛГ». Хасбулатов месяц два назад сказал, что правительства у нас нет, каждый министр действует сам по себе. А один известный экономист, помню, делился своими наблюдениями: стоит Гайдару пальцем пошевелить, и каждый министр встает чуть ли не во фрунт. Кто из них прав?

Е. ГАЙДАР. Думаю, ни тот, ни другой. Обстановка в правительстве в общем была нормальная. В целом работа была достаточно дружная, командная.

А. УДАЛЬЦОВ. А чья была инициатива ввести в правительство Хижу и Черномырдина? Можете вспомнить?

Е. ГАЙДАР. Могу. Хижу назвал я, а Черномырдина — Борис Николаевич.

А. УДАЛЬЦОВ. Егор Тимурович, ситуация, в которой ваше правительство начало действовать, была, разумеется, крайне тяжелой. Но сегодня я перечитал интервью с вами Олега Мороза, напечатанное в «ЛГ» в середине февраля, и там вы выглядите ну, что ли, неоправданно оптимистичным. Говорите, что цены скоро повысятся в 3—3,5 раза, а они на некоторые товары повысились в 100—200 раз. Не будем скрывать, в народе есть и раздражение, и осуждение. Сегодня, по прошествии года, вы бы пересмотрели какие-то свои позиции? Этот год вас чему-то научил? Вы видите какие-то ошибки, которые допустило ваше правительство?

Е. ГАЙДАР. Без всякого сомнения. О части из них я уже говорил на съезде. Во-первых, мы с самого начала переоценили возможности микроэкономической адаптации государственных предприятий к новым реальностям, с которыми мы столкнулись. Нам надо было уже в декабре начинать широкую пропагандистскую, разъяснительную кампанию, объяснять, что предприятия будут жить в другом мире, что дальше нельзя рассчитывать на платежные поручения, что надо переходить на другие формы расчета, что сегодня всякий раз необходимо думать: а платежеспособен ли ваш потребитель? Конечно, с другой стороны, я сам себе могу возразить: ну что это за наив такой! Разве в декабре прошлого года вооб-

ражом, до конца отопительного сезона». А дальше возникла очень опасная ситуация, когда повышение цен уже объявлено, но еще не сделано. В январе предприятия еще не знали, что такое либерализация цен. Они воспринимали либерализацию цен только как освобождение цен на их собственную продукцию. «Ну хорошо, либерализуйте цены, а мы уж тогда покажем, мы потребителю такие цены выставим, что он рад не будет». А после февраля они уже стали понимать, что либерализация цен — это одновременно и либерализация цен на потребляемые ими самими ресурсы. И тут вот возникла основа той мощнейшей коалиции против правительства, которое собирается, мол, разрушить отечественную экономику, превратить ее в сырьевой придаток и так далее. Этого, конечно, нельзя было допустить. Ну и серьезные просчеты во внешнеэкономическом регулировании. Но знаете, очень уж хотелось создать

бы, и последствия этого пути. Если, скажем, мы будем сравнивать с реальной базой декабря 91-го года, то уровень реальных доходов сейчас сократился почти в два раза, примерно на 48 процентов. Это вроде бы очень трагичное снижение уровня жизни. Но скажу так: если бы такое трагичное снижение уровня жизни было реальным, то никакая социальная политика и пропаганда правительства не спасла бы нас от социальных катаклизмов, которые не позволили бы проводить какие бы то ни было реформы. Дело, однако, в том, что на самом деле никакого реального уровня доходов декабря 91-го года не существовало. Что такое реальный уровень доходов в декабре 91-го? Это государственные цены, деленные на выплачиваемую государством заработную плату. Что такое государственные цены в декабре 91-го года? Да полная фикция. Это то, чего не существовало в природе. Для того чтобы согласиться

наладить эффективный контроль за монополистом вне начавшего хоть как-то работать рынка — абсолютно утопичная идея. Как можно надеть узду на монополиста? Только одним способом: заставить его бегать кругами и искать того, кто делает у него заказ, заплатит ему деньги, прокормит его рабочих. Другого не дано.

А. УДАЛЬЦОВ. И все-таки, за что сегодня прежде всего надо бороться? За спад производства или за цены?

Е. ГАЙДАР. Без всякого сомнения, за цены. Потому что без финансовой стабилизации любые разговоры о подъеме производства абсолютно беспочвенны. А падение производства? Сейчас, когда я уже не премьер, могу признаться в одной страшной вещи: с августа производство у нас не падало. А если исключить военную продукцию, то даже росло. Вообще же в такой сверхмилитаризованной экономике падение производства неизбежно. Я только не понимаю: от того что

посты, они непременно найдут, где эту глупость сделать. Просто надо чуть-чуть больше знать ситуацию с запасами — не просто зерна, а, скажем, продовольственной пшеницы. И абсолютную невозможность для нас восстановить практику скармливания хлеба скоту, если мы не хотим серьезных проблем и перебоев с хлебом весной. Или, скажем, отказ мобилизовать ресурсы пенсионного фонда. Это продолжение все той же странной политики по принципу: чем хуже, тем лучше. Я-то, признаюсь, надеялся, что теперь, взяв на себя больше ответственности, парламент хоть чуть-чуть привнесет свои действия в соответствие с логикой и здравым смыслом. Но пока, к сожалению, этого не происходит. Кредит в 200 миллиардов? Ну, в общем, он был предопределен и раньше. Весь вопрос, с какой интенсивностью он будет использован. Когда я сдавал Виктору Степановичу дела, я говорил, что если он этот кредит использует, условно говоря, на протяжении следующих двух недель, то будет очень опасно. А если, скажем, с декабря по март, то макроэкономический дисбаланс в принципе не усилится, все ляжет нормально. А вообще-то говоря, мы все максимально заинтересованы в том, чтобы дела у правительства Черномырдина шли как можно лучше. И вся наша надежда на то, что правительство это окажется еще лучше, чем надеются его сторонники, и, уж конечно, лучше, чем о нем думают его самые злые противники.

А. БОРИН. Прямиренская, хотя и не слишком вписывающаяся в компетенцию Конституционного суда миссия В. Зоркина на VII съезде вызвала широкое одобрение: действительно, должна ли торжествовать юстиция, когда гибнет мир? Но я себя спрашиваю: а как развязались бы события, если бы такой тяжелый компромисс все-таки не состоялся? Кто бы выиграл в конечном счете?

Е. ГАЙДАР. Я думаю, что в рамках чисто политической конфронтации президент скорее всего победил бы. За 2—3 дня съезд достаточно много сделал, чтобы всерьез мобилизовать против себя общество. Но выиграл бы президент ценой очень серьезных политических потрясений с тяжело предсказуемыми последствиями. И на фоне такого острого политического противостояния, которое неизбежно пронизало бы всю Россию, проводить осмысленную экономическую политику, тем более стабилизационную политику, стало бы в принципе невозможно.

Ю. СОЛОМОНОВ. Из хорошо информированных источников известно, что в ходе работы съезда вы встречались с политсоветом Гражданского союза. Лично мне не кажется, что Гражданский союз представляет собой реальную политическую силу, скорее, это результат умелой политической мифологии...

Е. ГАЙДАР. Я с вами совершенно согласен, Гражданский союз в определенном смысле является мифом. Но как всякий политический миф, овладевший массовым сознанием и созданный в значительной степени благодаря хорошей рекламе, пропагандистской кампании, он, будучи мифом, становится и политической реальностью. Это структура, у которой, видимо, нет реальной широкой базы на местах. И его реальное влияние на де-

Клуб 206

Егор Гайдар: ЧТОБЫ НЕ БЫЛО БЕДНЫХ...

Фото Евгения ФЕДОРОВСКОГО

культурное внешнеэкономическое регулирование, чтобы налоги не в валюте платили, а в собственных национальных деньгах. Такую нормальную систему экспортных тарифов, как, в общем, полагается в мало-мальски

с этим, надо признать, что в декабре 91-го года реальные доходы населения были в одну целую и семь десятых раза выше, чем в 85-м году, что в декабре 91-го мы стали почти в два раза лучше жить, чем в 85-м году. Кто-

у нас в 38 раз сократилось производство танков, действительно произошла трагедия? Именно здесь наша главная проблема? Нет, конечно. Если говорить о действительно стратегических наших проблемах, то их, на мой

С. КОЭН, американский историк. Среди ваших консультантов был американец Джеффри Сакс. Не странно ли, американец при российском правительстве? А о Саксе у нас говорили так: любое правительство, где появляется Сакс, скоро падает, а сам он получает очередные дивиденды.

Е. ГАЙДАР. При всей моей глубокой симпатии к Саксу и благодарности за его помощь я никогда не согласился бы возложить на него и грана ответственности за наши дела. Привлечение западных консультантов — нормальная практика, и, надеюсь, новое правительство ее поддержит. Но могу сказать, что никакие консультанты не заменяют и не могут заменить людей, которые принимают решения. Они нам советовали, но решения принимали только мы сами.

А. УДАЛЬЦОВ. А сверяли вы свои действия с критикой ваших коллег-экономистов — нет, не в ваш адрес, а в адрес вашей политики? Или все-таки работали, так сказать, с чистого листа, как команда, которая пишет новую музыку?

Е. ГАЙДАР. Ну разумеется, и сверяли, и смотрели все, что создается рядом программно-аналитического. Самое глупое считать, что никто ничего интересного тебе сказать не может. Ну а критика? Я прекрасно помню, как люди (не стану называть их имена), обвинявшие нас — как же это мы либерализовали цены, не проведя предварительно приватизацию, — еще в октябре 1991 года, до нашего прихода, буквально в истерических тонах требовали от Б. Н. Ельцина, чтобы он немедленно, через три дня, либерализовал цены, а иначе все рухнет.

Ю. СОЛОМОНОВ, заместитель главного редактора «ЛГ». Из всех критических высказываний в ваш адрес мне больше всего запомнилось выступление Михаила Гейфера в «Итогах», где он упрекнул вас в несколько одиозном, что ли, подходе к руководству правительством. Вы, мол, были зачлнены на финансовой реформе и не осуществляли той полифонии функций, которая требуется от руководителя правительства. Так вот, контролировали ли вы действия словых министров? Ибо выступление на съезде, скажем, Бараникова произвело на меня кошмарное впечатление. Опять, значит, ПРУ, опять происки, диверсия, воздействие и так далее. В качестве и. о. премьера вы влияли, ну, скажем, на идеологию этих ведомств?

Е. ГАЙДАР. У нас были, так ска-

зывать платажными поручениями, что надо переходить на другие формы расчета, что сегодня всякий раз необходимо думать о платежеспособности вашего потребителя? Конечно, с другой стороны, я сам себе могу возразить: ну что это за наив такой! Разве в декабре прошлого года вообще можно было объяснить людям, что они станут жить в другом мире? Все было твердо уверено, особенно директора, что все останется строго так, как есть, строго, как было. Так же будет идти бартер, деньги по-прежнему ничего не будут значить. По-прежнему директор будет метаться в поисках матресурсов, и так далее. Это было настолько ясно, что все наши попытки объяснить что бы то ни было встречали отпор отцов: «Ну, мальчишки, ну совсем не знают жизни». И тем не менее я считаю, что мы недооценили масштаб проблем, переоценили способность предприятий адаптироваться самостоятельно. Второе — конечно, то наличие. Это был острейший кризис весной. Ведь первое, что я сделал, когда пришел в свой кабинет, это вызвал председателя Госнака и с ним обсуждал проблемы, связанные с переходом на купюры высокого номинала. Но потом состоялось заседание Президиума Верховного Совета, и там устроили дикий разнос: «Вмешиваетесь в компетенцию Верховного Совета, раскручиваете инфляцию» — и так далее. Конечно, надо было не сдаваться, еще в декабре устроить большой скандал по этому поводу, добиваться нормальных решений по подготовке купюр высоких номиналов. Тогда бы мы в мае-июне не столкнулись с таким тяжелейшим кризисом. Далее, серьезная наша ошибка — цены на энергоносители. По большому счету цены на нефть надо было отпустить еще в январе месяце. И ничего страшного не случилось бы. Была система квотирования, цены внутренние и внешние у нас раздельные. И если хочешь сдерживать рост внутренних цен, всегда можно ввести более высокий экспортный тариф. Но тогда мы на это пойти не решились, полагая, что сейчас вот немножечко все устоится, а потом мы мягко, где-нибудь в феврале, их отпустим. В феврале их можно было отпустить совершенно спокойно. На фоне общей ценовой перетряски января-февраля это прошло бы почти незамеченным. Ну, скажем, цены за январь выросли бы не в 3,5 раза, а в 4,5 раза. Это что, катастрофа? Однако и в феврале топливники меня уговорили: «Ну давайте чуть-чуть по-

культурное внешнеэкономическое регулирование, чтобы налоги не в валюте платили, а в собственных национальных деньгах. Такую нормальную систему экспортных тарифов, как, в общем, полагается в мало-мальски культурной переходной экономике. Однако и здесь мы перестарались, недоучили реальных проблем этой экономики, где платежи идут не день, а три недели, а иногда и три месяца, где очень низка платежная дисциплина, где нет эффективных законов о банкротстве и так далее. Вот, если по-крупному говорить, наши основные, главные ошибки.

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ, член редколлегии «ЛГ». С точки зрения экономической науки все это, возможно, совершенно правильно. Ну, а с социальных позиций? Если выйти из кабинетов на улицу, то мы увидим, что за тот год, когда вы были во главе правительства, рост цен превысил раз в пять, как минимум, повышение зарплат. То есть уровень жизни многих людей катастрофически упал. В то же время происходит обогащение небольших категорий дельцов. Причем обогащение не за счет производства, а за счет перепродажи. Водки по 150 рублей, как она сегодня стоит, в магазинах нет, зато в киосках есть по 300 рублей. Как же все-таки совместить экономическую целесообразность, необходимые реформы с реальной жизнью человека, его потребностями?

Е. ГАЙДАР. Многие из этих вещей являются более или менее неизбежными. Жизнь — она такая, какая есть, и больше никакая. Молодой капитализм, который мы строим, никогда не будет прекрасным, упорядоченным и благостным сразу. К нему надо идти постепенно. И новая буржуазия, она сначала будет такой, какая она есть. Как правило, в первую очередь спекулятивной, потому что никакие крупномасштабные вложения в производство эта буржуазия не станет делать, пока мы не создадим минимальный уровень финансовой стабильности. При темпах роста цен, составляющих десятки процентов в месяц, самое разумное поведение, это, конечно, поведение спекулятивное. Вложение капитала в первую очередь в посредническую деятельность. Теперь о падении уровня жизни. Без всякого сомнения, оно произошло и было достаточно серьезным. Вместе с тем и тут надо быть реалистами, четко оценивать и базу, и фактические масшта-

с этим, надо признать, что в декабре 91-го года реальные доходы населения были в одну целую и семь десятых раза выше, чем в 85-м году, что в декабре 91-го мы стали почти в два раза лучше жить, чем в 85-м году. Кто-то готов в это поверить? Не готов. Трудно. Конечно, доходы сократились, и существенно сократились на фоне падения производства, сокращения импорта и так далее. Но не в два раза. Качество жизни в два раза не упало.

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Упало в большей степени. Мы все это знаем хотя бы по тому количеству мяса, молока, яиц, масла, которые мы могли купить на зарплату в 91-м году и можем сегодня. Разница большая.

Е. ГАЙДАР. А где вы могли тогда купить мясо? Где вы его доставали?

А. БОРИН, обозреватель «ЛГ». Вы говорите о спекуляции. Но ведь в нашем уголовном законе двадцатых годов спекуляция понималась совсем иначе — имелись в виду какие-то действия, которые препятствуют выходу товара на рынок. Но и с такой спекуляцией никакой борьбы сегодня, мне кажется, не ведется.

Е. ГАЙДАР. Да, это абсолютно точно поставленная проблема, но, к сожалению, очень трудно решаемая. Два раза мы обсуждали ее на правительстве. Что можно было сделать? Расширить права контролирующих систем — милиции, налоговой инспекции и так далее? Ну будут они хорошо, еще лучше кормиться. А результат? Простыми решениями тут ничего не добьешься, поможет лишь макроэкономическая стабилизация. Один мой приятель рассказывал такую трагическую историю. Где-то в июле месяце он пришел к своему знакомому директору магазина и попросил: «Сделай мне что-нибудь хорошенькое», а тот со слезами на глазах отвечает: «Да что я тебе сделаю? У меня все на прилавке». Несчастный человек! Да и вообще, упрощенное, элементарное понимание очень сложных вещей всегда опасно. Вот нам говорили: «Почему вы начали либерализацию цен, не надев на монополистов налоговые намордники?» Но налоговый намордник на монополиста до либерализации цен, на мой взгляд, чистой воды утопия. Любой человек, обладающий материальным ресурсом, а не деньгами, которые никому не нужны, в условиях подавленной инфляции является монополистом. И идея, будто можно

Фото Евгения ФЕДОРОВСКОГО

у нас в 38 раз сократилось производство танков, действительно произошла трагедия? Именно здесь наша главная проблема? Нет, конечно. Если говорить о действительно стратегических наших проблемах, то их, на мой взгляд, по крайней мере две. Во-первых, дифференциация доходов. Процесс этот крайне неприятный, хотя и неизбежный на фоне перехода к рыночной экономике. Возникают чрезвычайно, непомерно высокие доходы нового формирующегося класса, что создает условия для хронической социально-политической нестабильности. Эту проблему, видимо, придется решать любому правительству. Как? Наверное, в первую очередь повышая адресность социальных программ с тем, чтобы доводить дотации до реально нуждающихся. И, наконец, вторая стратегическая проблема — отсутствие капитала.

С. МЕРИНОВ, заместитель заведующего отделом внешней политики. Об этом еще граф Витте говорил.

Е. ГАЙДАР. Да. Но граф Витте мог вымачивать деньги из сельского хозяйства. А мы откуда? Наше сельское хозяйство за 70 лет вконец разграблено. Брать из бюджета? Но если финансируем развитие за счет бюджетного дефицита, то это не финансирование развития, это перекладывание денег из одного кармана в другой. За счет добровольных сбережений населения? Весь мир так развивается. Но у нас еще долго сохранится низкая норма сбережения доходов населения. И потому, что народ бедный, и потому, что в этом смысле у нас существуют очень дурные традиции. Значит, бюджет должен иметь собственные здоровые доходы. Вот этого мы и пытались добиться.

О. МОРОЗ, член редколлегии «ЛГ». Не могли бы вы прокомментировать первые шаги Верховного Совета и Черномырдина после вашего ухода? Завышение бюджетного дефицита, льготные кредиты на 200 миллиардов рублей топливно-энергетическому комплексу и так далее?

Е. ГАЙДАР. Я бы разделил шаги нового правительства и шаги Верховного Совета. Действия Верховного Совета идут в русле того, что он делал на протяжении последнего года. И, честно говоря, задают малоприятный фон нашего развития на ближайшее время. В первую очередь я бы выделил стабилизацию цен на хлебопродукты. Когда люди хотят сделать глу-

бший массовым сознанием и созданный в значительной степени благодаря хорошей рекламе, пропагандистской кампании, он, будучи мифом, становится и политической реальностью. Это структура, у которой, видимо, нет реальной широкой базы на местах. И его реальное влияние на депутатов весьма ограничено. Если Гражданский союз, скажем, агитирует, чтобы выступить против гнусного антинародного правительства национальной измены, то, конечно, большая часть депутатов с удовольствием проголосует за это. Но если, паче чаяния, по каким-то причинам Гражданский союз решит, что надо договориться с этим правительством, и предложит сделать это, то очень большая часть тех же депутатов никогда к этому не прислушается. Реально, я думаю, Гражданский союз оказывает влияние на позицию 50—60 депутатов.

О. МОРОЗ. В печати появлялось сообщение о том, что вы проводите консультации с различными политическими партиями, как бы стремясь задним числом найти у них политическую поддержку. Это так?

Е. ГАЙДАР. Нет, я не веду никаких политических консультаций. Просто после отставки меня попросили принять ряд людей, политических активистов. Раньше, к сожалению, такой возможности я не имел.

О. МОРОЗ. А кому из них вы больше всего симпатизируете?

Е. ГАЙДАР. Я очень благодарен тем политическим силам, которые на протяжении этого тяжелейшего года твердо поддерживали курс на радикальные реформы, и в первую очередь «Демократической России». Но все же надо признать: политических партий пока у нас нет.

Л. ГРАФОВА, обозреватель «ЛГ». Надеетесь ли вы когда-нибудь вернуться снова на пост премьера?

Е. ГАЙДАР. Честно говоря, нет.

А. УДАЛЬЦОВ. Вам уже достаточно?

Е. ГАЙДАР. В общем, да...

Ю. СОЛОМОНОВ. Мне не очень нравится сооставление Гайдара-деда и Гайдара-внука, которое сегодня всю обгрызают журналисты. И все-таки я хочу спросить: ваш дед, как человек своего времени хотел, чтобы не было богатых, а вы?

Е. ГАЙДАР. За нами большой и тяжелый исторический путь. И сегодня любой нормальный человек хочет, чтобы не было бедных.

Если бы референдум проводился сегодня, то президент получил бы поддержку трети избирателей

Позади остались бурные события VII Съезда народных депутатов. Пришло время осмыслить их результаты. Социологическим центром ВТРК «Останкино» был проведен опрос.

Если бы референдум, предполагавшийся Б. Н. Ельциным, состоялся, то как бы вы ответили на его вопрос:

Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации!

— нынешнему составу съезда и Верховного Совета	7%
— Президенту России	31%
— затрудняюсь ответить	24%
— не стал бы участвовать в референдуме	24%

Некоторые фракции предлагали для референдума свои вопросы. Как бы вы ответили на них?

Одобряете ли вы экономический и политический курс правительства и президента!

ДА	23%	НЕТ	34%	Затрудн. ответить	43%
----	-----	-----	-----	-------------------	-----

Согласны ли вы с необходимостью проведения в трехмесячный срок досрочных выборов [выберите, пожалуйста, один ответ]!

— президента	7%
— народных депутатов	21%
— и президента, и народных депутатов	12%
— затрудняюсь ответить	18%
— не стал бы участвовать в выборах	25%

Удовлетворены ли вы тем, как решил съезд вопрос о премьер-министре!

ДА	22%	НЕТ	33%	Затрудн. ответить	30%
----	-----	-----	-----	-------------------	-----

1% не дали ответа.

Булат ОКУДЖАВА

Песенка о народном депутате

(Автопародия)

Как славно быть ни в чем не виноватым — совсем простым солдатом, солдатом.
(из песенки «Веселого солдата»)

Он вышел из кремлевского подъезда. Он там, в Кремле, вершит делами съезда.

Как славно быть народным депутатом, любовью к самому себе объатым!

Да, он служил в провинции доцентом, а хочется командовать конвентом, и он кричит с трибуны что придется: авось себя прославит и пробьется.

Он говорит от имени народа, а в этом и видна его порода. Когда толпа его возносит дружно, он скромно говорит: народу нужно.

А если что не так — не наше дело! Премьер не смог: он правил неумело. Как славно быть ни в чем совсем простонародным депутатом!

